

ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ

На меже

Рассказ

1

Давно не чаяла Анна Порейко, что когда-нибудь заглянет счастье в ее старую хату. Уже и надеяться бросила. И Господу докучать своими просьбами перестала — не прогневить бы его чем — не в том она уже возрасте. Свыклась с годами, а люди не напоминали иль забыли (всяк своим живет!), что был у нее когда-то сын-сиротинка. Был да пропал. А может, отрекся.

Степу, так звали ее парнишку, Анна поднимала сама. Муж Дмитрий оставил ее беременной — сгинул в молодости на лесоповале. Сын окончил семилетку, поработал немного в колхозе, а там и призвали его в армию. Был он парень смиренный и, что особенно важно в деревне, работающий. Пока мать на колхозной ферме, все дома поделает. Анна и проводы устроила — последнюю копейку отдала, чтоб сыну лучше служилось...

Степа Порейко служил где-то на Севере, а отслужив, остался там жить. Писал матери, и о том знали все соседи (Анна любила делиться счастьем с людьми), что у него уже семья, взял в жены коренную сибирячку и усыновил ее ребенка. Вот так стала Порейко одновременно и бабушкой.

Сын, что правда, то правда, поначалу не забывал — аккурат раз в два месяца получала мать письмо-весточку. В ответ Анна кое-как (только одну зиму и походила когда-то в школу, сироте надобно было батрачить) царапала про свои заботы, радовалась Степанову счастью: семья его увеличилась на своих детей — двух дочурок. И время от времени появлялась Порейко с посылкой на местной почте — слала в далекий край полесские гостинцы: сальце, полендвичку, тыквенные семечки да сухие грибочки, которые у нее, завзятой грибницы, не переводились...

А годы бежали, не успела оглянуться — молодость уже за порогом. Васильковые очи отобрала старость, заменила на выцветшие, глубоко запавшие. Будто и впрямь глаза проглядела, ожидаючи всю жизнь своего Степу. Да только напрасно. Сын не ехал и давно не писал — два десятка лет минуло, как не было из того Северодвинска весточки. А на все ее письма один скупой ответ: «Адресат выбыл». Куда? Зачем? Ни слова... А как хотелось Анне, чтобы хата ожила голосами сына, невестки, внуков и правнуков — таких желанных гостей! Изболелась душа матери, избередилась: «Отзовись, сынок!» Но Степа не отзывался.

И однажды — все прибывали ее старушечьи годы, девятый десяток разменяла Порейко весной, а ровесники давно перебрались в дубняк за деревней, — поняла Анна, что не дождетя и помрет. И как-то сразу успокоилась. На сына не обижалась. Только попросила у Господа, чтоб не извелся род его на земле, а себе — смерти. И с того дня на глазах начала угасать, хоть ничего вроде не белело. Кажется, здоровой была, а знала — скоро уйдет. Не саднила болью за

сына душа, не бередили ее беспокойные воспоминания, не спрашивала больше себя: «А зачем жила?», не терялась в поиске ответа на сыновье молчание бессонными, хоть на всю хату вой, ночами. Ведала тому цену: за ее ожидание и страдание Бог даровал ей отпущенье...

2

Было только начало теплой осени, но старые люди теперь на это не смотрели — картошку убирали с поля рано, с помощью детей и внуков, что приезжали на выходные.

Анна Порейко управилась со своими сотками даже раньше тех, кто помоложе, будто торопилась. Бураки повыдергивала, хоть они могли расти еще месяц. Дроздюки, соседи ее, еще и не начинали, ждали, чтоб подросли, заканчивали с картошкой.

Кто поздоровее из дальних соседей — хаты в деревне разбросаны, как хуторки, — польстились на колхозную копейку... А у Анны Порейко сегодняшним утром были свои важные хлопоты.

Как только перекликнулись первые петухи, а радио еще и не думало просыпаться, старуха потихоньку уже топала у полыхавшей печи: отставила небольшой, на полведра, чугунок с картошкой, подождала, пока сойдет пар, схватила тряпкой, сцедила и столкла в малом ведерке, что стояло у печи, добавив мисочку ржаной муки — кабанчику. Вот почти и все ее дела по хозяйству. Курам еще ячменя сыпнуть... Теперь и о себе подумать можно.

Обычно на день ей хватало картофельного супчика, какого-никакого блинчика или пшенной каши, но сегодня она готовила такое угощение, будто в хате ожидались люди, и не просто люди, а мужчины, два-три, не меньше, и такие, что не прочь хорошо подкрепиться. И это отняло у старой немало времени.

Утомленная приготовлениями, она обессиленно опустилась на лавку под небольшим окошком, тяжело вздохнула. Слушала сердце, что заполошно билось в груди, будто хотело вырваться на волю. Отдышавшись немного, долго сосредоточенно глядела в угол, где над шкафчиком висел образ Божьей Матери, и шептала молитву за дарованный Богом еще один рассвет.

Наконец заговорило радио, и старуха тихонько вышла из хаты, накинула на двери щеколду...

Опираясь на ореховую клюку, напряженно дыша и с трудом переставляя ноги, неторопливо пошла к хате Иванчика Дроздюка, более молодого соседа, с чьей женой, болезненной Ольгой, Анна дружила с того давнего времени, когда вместе работали доярками на колхозной ферме.

Дроздюки были зажиточные, но бездетные — неведомо почему не донашивала детей Ольга. Врачи советовали уйти с фермы, так не послушалась. А потом Ольга и совсем разболелась. Думали даже, что помрет. Однако, слава Богу, оклемалась немного баба, только полностью не поправилась — дали группу инвалидности. А Иванчик, как звало его большинство односельчан, был и сейчас возчиком при ферме. Работы большой там не было, и заведующий позволил ему держать лошадей дома. На них и делал всякую нужную работу себе и людям. Правда, Иванчик должен был каждое утро во время дойки ехать на ферму: в наряд. Анна Порейко знала это и, имея сегодня к нему великую свою нужду, спешила, хотела застать человека дома.

Невысокий, курносый Дроздюк — увидела старая, когда подошла к их хате, потонувшей в богатом на кругляки-яблоки саду, — шел с пустым ведром от сеновала. Удивилась, что соседка в такую рань дожидается его, привалившись спиной к колодезному срубу. Поздоровался:

— Здорово, Анна. — И участливо поглядел на старуху, которая натужно, через силу, дышала. — Что так рано? Не случилось чего?

— Здоровьица и тебе, Иванчик... Вот, думаю, пойду, попрошу тебя, может, не сильно занят. Это чтоб после фермы, как вернешься, огород перепахать на зиму... Сколько там — соток пятнадцать будет, возле хаты. Жито посеять хочу... Может, слышь, кто по весне добрым словом вспомянет... — Старуха вдруг разволновалась, и мужик увидел, как блеснули в ее впалых бесцветных глазах слезы.

Он потерялся, молчал. Наконец испуганно сказал:

— Ты никак помирать вздумала, Анна. Брось это...

— И помирать, Ванечка, когда-то надо. Бог ведает, когда закрыть человеку очи. Да и что меня держит на этом свете? Разве... — она притихла, задумавшись о своем. А через мгновение безнадежно отогнала от себя те мысли, спросила, чтоб знать наверняка: — Так что, Иванчик?

— На ферму мне сегодня не надо — вечером ездил. Только помогу немного Ольке по дому... Сеять сегодня будешь?

— Так день сегодня очень подходящий. Потом поздно будет. Скажи Ольге, пусть, как управится, придет. Пообедаем у меня...

3

Солнце уже всю припекало плечи, когда сосед вспахал и засеял тот кусок земли, а женщины — старая Анна, опершись на ореховую палку, и худосочная Ольга — стояли у межи поля и думали каждая о своем.

Дроздюк наконец управился с делом. У края соток, на заплатке лужка, что прилепился возле редкого ольшаника, за давно сгнившими жердями стояла телега. Плуг, с весны тосковавший по земле, теперь поблескивал на возу: хоть женка кричала из сада, чтоб не надрывался сам, она поможет, Иванчик и ухом не повел — есть еще порох в пороховнице, ждате он, видишь ли, будет бабской подмоги, — сам справился. Так же и с бороной, когда-то сделанной им самим, без чьей-либо подсказки, без единого гвоздя — и основа, и зубья из дубовых плашек. Запряг коня, поехал вдоль канавки к своим соткам.

Анна забеспокоилась:

— Олька, а обедать? Крикни Иванчика...

— Аль не знаешь моего Дроздюка, Анна? Моментом прилетит. Чаркой же пахнет...

— Ты уж за своего не гневи Бога: хозяин. Пусть когда и выпьет человек — не велик грех. Не напивается же... Счастливая ты за ним... — крепко опираясь на клюку, вздохнула, подходя к хате, Анна.

— Ага, Дроздюк мой хороший... — почему-то грустно и тихо согласилась Ольга.

Мудрой старухе хватило только краем глаза взглянуть на соседку, чтоб догадаться, о чем подумала в этот момент Ольга: «Он-то хороший, да только со мной несчастливый, хоть бы одно дитя на руках подержал. Не дал Бог!..» Но ничего не сказала о своей догадке, еще раз, хоть все труднее чего-то становилось дышать и говорить, подтвердила:

— Иванчик твой добрый. Кто же не знает..

4

В хате, прежде чем накрыть на стол, Анна повела Ольгу на чистую половину. Та удивилась, хотела что-то спросить, но старуха, переведя дыхание, объяснила:

— Тут вот, Олечка, я покажу тебе... Все, что на смерть приготовила.

Соседка онемела от неожиданности, только глазами хлопала. Старуха же поставила свою клюку возле гостевой — вышитой, вытканной, с высокими

подушками постели, уцепилась руками за шкаф, раскрыла одну половину дверок и тогда глянула на соседку.

— Подойди, Оля, сюда...

Дроздючиха, не на шутку встревоженная, встрепелась, послушалась Анну, подошла к шкафу и чуть слышно сказала:

— Что это ты, Анна? Моего переполошила сегодня, а теперь и...

— Ольга, не говори ничего, а слушай. — Порейко не дала договорить соседке, вела свое — тихо, но уверенно, будто для нее это великая радость. — Тут, подруга моя дорогая, — она показала на одну из полок, — все, чтоб домовину оббить. А тут, выше, все, что на меня наденете... Обязательно чтобы фартук, он сверху. Еще в девках его вышивала. Тут и деньги на все найдешь. Горелку держу под половицей, в предпечье. Хватит на похороны и поминки. Кабанчика забудете, а курей заберешь. Ну, сдастся, теперь все знаешь...

Старуха закрыла дверцы старого шкафа, ухватила одной рукой за спинку кровати, а другой взяла свою ореховую клюку и тяжело потопала к дверям. Побледневшая Ольга застыла на месте. Из передней старуха оглянулась — в глазах у Порейко соседка заметила слезы.

— Что это ты? Я же еще не померла...

— Да ну тебя, Анна, тоску нагнала. — Оляка подалась следом за ней.

Вместе накрывали на стол, ставили яичницу, проросшие прожилками мяса ломтики сала, тушеную картошку... Дроздюк задерживался, а на столе на почетном месте появилась бутылка чистейшей, как слеза, самогонки. Старуха, доставая ее из шкафчика, усмехнулась:

— Давно еще на селе у Лотика покупала, а он добрую гонит, для себя...

— Ага, Лотик знает, как гнать... — согласилась и Оляка. — Иванчик мой уже с месяц тоже в его аппарате вытиснул, — да не повезло, только зерно перевели. Не вышла брага как следует, в недобрый день делалась, может. Ой, да и страшно теперь — на милицию бы не нарваться. Однако же надо холеру эту в хате иметь...

— Так, так, Олечка... Я запасла. Сказала тебе, где...

Старая сидела уже на лавке у окошка, поглядывала на улицу, высматривая Дроздюка. Тот что-то задерживался.

Ольга тоже подседа к старухе, вздохнула:

— Вот так живи, живи, а для чего?.. У тебя хоть сын где-то есть...

— Не трогай этого, Оля... — Порейко тихо заговорила дальше. — Как помру, слышишь, сама меня помой. Положите меня рядом с Дмитрием, только с этого края, от дороги — людей хочу видеть...

— Не хочу больше этого слушать, Анна!.. Ты вот как завтра собралась. Еще поскрипишь! Грех это!.. — рассердилась соседка.

— Один Бог ведает, когда забрать. Может, и сегодня, может, и завтра... Еще одно скажу. Запоминай. Сын приедет, скажешь: мать не в обиде была, об одном молилась, чтоб счастливым был сам, и дети, и внуки...

Старуха хотела еще что-то сказать, да не успела — вихрем влетел в переднюю запыхавшийся, вспотевший Дроздюк, переполошив жену и соседку. С порога загорланил на всю хату:

— Анна, телеграмма вот... Девка Нинки Параскиной, заведующей почтой, привезла на велосипеде, перехватил у двора... Твой Степа с семьей едет, завтра аккурат к обеду будет тут...

Пригубила горелки на радостях и бабулька — не могла отказаться: вот оно, счастье, уже неожиданное!..

Казалось, в это утро больше женщин радовался раскрасневшийся Дроздук:

— А ты, старуха, помирать собралась!.. Гляди, как оно повернулось, — нашелся твой Степан. Эх ты, Анна... Еще поживем. И жито, что посеяли, даст Бог, еще сама и пожнешь. В добрый день посеяли. Правду ты говорила...

— Поздно... — из старческих глаз вдруг покатались слезы. Анна же не ощущала, что плачет. Ей казалось, что счастливее ее нет никого на всем свете, а дрожащие губы шептали эти слова и другие, только ей одной понятные: — Поздно... Уже и межа проведена...

— О чем ты, Анна? — переспросил захмелевший Иванчик, но добиться ответа не успел: женка, даром что квелая, дала доброго тумака под бок.

— Горелку всю не перепьешь, — сказал она. — Пора бураки начинать убирать. Полдня высидели...

— Ну, спасибо, Анна, за угощение... — мужик послушал жену, поднялся из-за стола.

— Это тебе, Ванечка, спасибо, что не отказал старухе. Храни тебя Господь. Кто б подсобил, как не ты?

— А, сколько той работы было... — Мужик, сильно осоловевший, что-то еще хотел сказать соседке, да женка вытолкала его силком из хаты.

Ольга все время была молчаливая, сосредоточенная, даже выпитые пятьдесят граммов не избавили ее от некоторого внутреннего беспокойства. Не сводила глаз со старшей подруги, и тревога за нее росла. Неким седьмым чувством почуяла: не так просто сказаны Анной те слова: «Поздно. Уже и межа проведена».

Когда, опираясь на клюку, Порейко выходила вслед за ними из хаты, Ольга хотела еще побыть со старой, перекинуться словом. Но почему-то не осталась, пошла, злясь на своего Иванчика, следом за ним. Мог бы, по ней, хоть сегодня две стопки выпить, а не три, как он, паразит, опрокинул. Пошла, не проронив больше ни слова. Будто горела та работа либо подгонял кто пойти с соседкиного двора! Только и услышала вослед Аннино: «Живите, добрые люди, в счастье...», но не оглянулась...

Если бы ведала Ольга, что через какой-то час на свежевспаханной меже, в одиночестве и покое, по годам тетка, а по душе подруга, умрет ее дорогая соседка! Если бы только она ведала!..

Увидев вечером покойницу там, на житней меже, будто присевшую передохнуть минутку-другую, она все поняла: эх, не просто так это! Анна, отчаявшись ждать, молила у Бога только такого счастья, чтоб хоть похоронили ее не чужие, пускай и добрые, люди, а сын родной. Одно это и было в молитвах к тому, у кого она просила смерти...

Дождалась, старая...

Перевод с белорусского.

